

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Зезв (Владимир) ХАНИН

Ашкеназские евреи бывшего СССР: религиозная идентичность и религиозно-культурная традиция¹

Данная статья написана по итогам масштабного социологического исследования современного состояния еврейского (в максимально расширенном смысле этого понятия) населения постсоветских стран через четверть века после распада СССР. Исследование, инициированное Евро-Азиатским еврейским конгрессом, осуществлялось на протяжении первой половины 2019 г. в России, в Украине, в Беларуси и Молдове Институтом евроазиатских еврейских исследований в партнерстве с рядом научных организаций, в том числе «Левада-центром»². Целью проекта было понимание ряда ключевых измерений данного сообщества, включая состояние и развитие различных вариантов еврейской и иной этнической и религиозной идентичности в его среде, в релевантных случаях — в сравнении с итогами близкого по методике, но намного более скромного по масштабам исследования, проведенного автором в партнерстве с В. Черниным в пяти городах России и Украины в 2004–2005 гг.³, а также с итогами других исследований последних лет.

¹ Главный ученый (руководитель ведомственной науки) Министерства алии и интеграции Израиля, преподаватель магистерской программы израилеведения и иудаики Университета Ариэль в Самарии, Израиль.

² В ходе исследования методом личного интервью были опрошены 2200 респондентов, отвечающих критериям израильского Закона о возвращении (2012 человек ответили на все 65 вопросов анкеты), включая 890 человек в России; 880 в Украине; 262 в Беларуси; 185 в Молдове. Еще 250 респондентов по той же методике были опрошены в начале 2020 г. в Казахстане. Случайная квотная выборка была на 30% сформирована по спискам еврейских организаций и на 70% с помощью метода «снежный ком» и структурирована в соответствии с имеющимися данными о демографической структуре генеральной совокупности этой группы.

³ См.: *Khanin V. (Z.), Chernin V. Identity, Assimilation and Revival: Ethnic Social Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union (Ramat-Gan: the Rappaport Center for Assimilation Studies and Strengthening of Jewish Vitality, 2007).*

Этничность и религия

Сохраняемым евреями стран бывшего СССР наследием советского времени является светский этнический характер идентичности — происхождение, самосознание, национальный язык и другие элементы этнической культуры, из которых первые два являются основными и безусловными, а вторые два — релятивистскими и условными⁴. За некоторым исключением сравнительно малочисленных субэтнических групп грузинских, бухарских и горских евреев роль религии в постсоветской еврейской идентичности остается малозначительной. Нерелевантные в советских условиях религиозные (галахические) критерии, в соответствии с которыми еврейство определяется по материнской линии или посредством гиюра (перехода в иудаизм), по-прежнему находятся на периферии сознания местного еврейства. Все сказанное применимо и к той части «еврейской общины» СНГ, которая состоит из лиц смешанного происхождения⁵.

В силу этого мы сознательно отказались от галахического критерия структурирования выборки и анализа данных наших исследований 2004–2005 и 2019 гг. Вместо этого мы сравнивали позиции респондентов в зависимости от числа евреев среди четырех их бабушек и дедушек: трое или четверо, любые двое, один из четверых

⁴ *Чернин В. Границы еврейского национального коллектива: восточноевропейский и евроазиатский контекст // Евреи Европы и Азии: состояние, наследие и перспективы. Ежегодник. Т. 1 (2018–2019/5779) / ред. В. Чернин и В. (З.) Ханин / Герцелия. ИЕАЕИ и Институт иудаики Еврейского университета в Иерусалиме. 2019. С. 29–39; Khanin V. (Z.). Between Eurasia and Europe: Jewish Community and Identities in Contemporary Russia and Ukraine, in: Julius H. Schoeps and Olaf Glukner (eds.). A Road to Nowhere? Jewish Experiences in the Unifying Europe (Laden: Brill, 2011). P. 63–89.*

⁵ *Носенко Е. Иудаизм, православие или «светская религия»? Выбор российских евреев // Диаспоры. 2009. № 2. С. 6–40.*

или ни одного, что соответствует понятиям, которыми продолжает оперировать большая часть членов «расширенной еврейской популяции» бывшего СССР. То есть «100-процентный» (или чистокровный) еврей; «еврей наполовину» (по отношению к тем, у которых евреем является один, причем любой, из родителей); «еврей на четверть», у кого евреем был только один человек из бабушек и дедушек (неважно, с какой стороны), и — новое явление постсоветской эпохи — лица (почти) полностью нееврейского происхождения, т.е. нееврейские супруги и дальние потомки евреев, в новых условиях осознающие свою принадлежность к еврейской общине. Их организованные рамки нередко выступают центрами притяжения интересов и активности всего сегмента лиц, отвечающих критериям израильского Закона о возвращении (ЗОВ) или даже выходящих за их рамки¹. При этом мы имели в виду, помимо собственно еврейского этнического ядра, также нееврейских членов семей и представителей второго, третьего и четвертого поколения этнически гетерогенных браков, обладающих двойственной или нееврейской идентичностью².

Разумеется, говорить о полном исчезновении еврейской религии из социокультурного ландшафта советского еврейства также не приходится. Согласно ряду мнений, иудаизм и в годы коммунистического режима являлся позитивным, но деактуализированным в повседневной жизни этническим символом почти оторванной от корней религиозной и культурной традиции советского еврейства, т.е., как полагают исследователи этого вопроса, своего рода элементом культурного фона, который имел характер не столько публичной, сколько семейной традиции и не предполагал обязательного исполнения конкретных заповедей и ритуалов³. Для еврейской интеллигенции это, кроме того,

означало разделять популярную в крупных «космополитических» городских центрах позицию — одновременно проявляя уважение к верующему, не присоединяться к какому-либо религиозному учению, «как бы оставаясь материалистическим атеистом» (М. Членов)⁴.

Иными словами, религия как автономная ценность присутствует в мироощущении русских евреев, но проявляется она, в свете вышеозначенных обстоятельств, в качестве вспомогательного, фонового момента их этнической идентичности. Добавим, что, если в условиях утверждения секулярного этнического самосознания еврейская и иная (русская, украинская, грузинская и т.д.) идентичности воспринимались как взаимоисключающие, то об оппозиции «иудаизм — христианство» (или другие религии) столь же однозначно этого сказать нельзя. Остаточные элементы традиции формировали негативное отношение к «выкрестам» в большинстве полностью секуляризованных и интегрированных в русскую или, в меньшей степени, иную этническую культуру еврейских семей, но общественное мнение (как еврейское, так и нееврейское) не выталкивало их из еврейской среды. Более того, христианство как оппозиционная идеология в ряде случаев становилась «первым доступным выбором» для ряда критически настроенных к коммунистическому режиму и находящихся в «поиске духовности и корней» евреев-интеллектуалов. Для их отдельных представителей, особенно еврейской молодежи крупных культурных и индустриальных центров, как указывают некоторые исследователи, христианские тексты парадоксальным образом становились источником первого знакомства с еврейской традицией⁵.

В позднесоветские и постсоветские времена эта картина сильно усложнилась благодаря целому ряду важнейших моментов, включая массовое присоединение к организованной еврейской общинной работе (включая репатриацию в Израиль) сотен тысяч людей смешанного и нееврейского происхождения, от которых никто не требовал отказа от их прежнего национального, культурного или религиозного самосознания. Сыграло свою роль и распространение в постсоветском обществе постмодернистских взглядов, легитимирующих множественную этнокультурную и религиозную идентичность.

¹ Израильский Закон о возвращении предоставляет право на репатриацию в еврейское государство и немедленное получение гражданства не только чистокровным евреям, но и евреям наполовину, и евреям на четверть, и их нееврейским супругам, определяя при этом принадлежность к евреям по галахическому принципу.

² Подробнее об этом феномене см.: *Khanin V. (Z.). Between Eurasia and Europe: Jewish Community and Identities in Contemporary Russia and Ukraine*, in: Schoeps J.H., Glukner O. (eds.). *A Road to Nowhere? Jewish Experiences in the Unifying Europe* (Laden: Brill, 2011). P. 63–89; *Носенко Е.* «Быть или чувствовать?» Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. М.: Институт востоковедения РАН — «Крафт+», 2004.

³ *Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В.* Иудаизм в национальном самосознании российских евреев // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 121–144; *Khanin V.* A Rabbinical Revolution? Religion, Power and Politics in the Contemporary Ukrainian Jewish Movement, in: *Jewish Political Studies Review*. Vol. 10. No. 1–2. Spring 1998. P. 73–91.

⁴ *Членов М.* Соотношение конфессиональной и этнической идентичности в еврейском самосознании. В кн.: *Проблемы существования в диаспоре*. М.: 2000. С. 28–65, цит. фрагменты на с. 44–47 и 53–56.

⁵ Из обширной литературы на эту тему см., напр.: *Kornblatt J.D.* *Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church* (Madison: University of Wisconsin Press, 2004).

Параллельно на постсоветском пространстве была воссоздана система еврейских религиозных общин с синагогами и религиозными еврейскими школами и детскими садами. В этих общинах и учебных заведениях (за исключением сравнительно малочисленных неортодоксальных) еврейство определяется исключительно на основе Галахи (например, детей, у которых евреем является только отец, не принимают в школы движения Хабад, а тех, у кого еврейка только бабушка по материнской линии, принимают). Все эти обстоятельства, несомненно, повлияли на то, что сегодня религиозная идентичность уже составляет немалый (а по некоторым наблюдениям, даже возрастающий) компонент русско-еврейской идентификации. Однако она по-прежнему значительно уступает ее этнонациональному компоненту¹ и охватывает скорее периферийные зоны коллективного самосознания постсоветских еврейских общин.

Более того, некоторые исследователи уверены, что и само весьма умеренное еврейское религиозное возрождение на постсоветском пространстве часто означает уже не столько возвращение к досоветскому укладу и семейным традициям, сколько новый личностный выбор, не всегда подразумевающий соблюдения религиозных заповедей в традиционном ортодоксальном или ином объеме, а скорее религиозную приверженность в самом широком смысле². Таким образом, нынешняя постсовет-

ская еврейская идентичность сформировалась в результате взаимодействия трех принципиально разных моделей — советской, постсоветской (широкое понимание еврейства или причастности к нему в соответствии с критериями израильского Закона о возвращении) и ортодоксально-религиозной.

Религиозные модели

Переходя к данным нашего исследования, отметим, что различия в устойчивости еврейской идентичности между категориями «уверенно религиозных», «уверенно нерелигиозных» и «сомневающимися» опрошенных были видны и временами статистически значимы. Правда, не настолько, чтобы относить уровень религиозности к первому уровню факторов, формирующих их еврейское или иное этническое сознание респондентов.

Скорее, имеет место обратный процесс: устойчивость еврейской или иной идентичности в атмосфере идеологических исканий постсоветского периода побуждала многих евреев и членов их семей заполнить эту нишу, в том числе и религиозной составляющей. Эта тенденция после заметного оживления интереса к иудаизму, как и вообще к любой религии в перестроечные и первые постперестроечные годы, в последующий период демонстрирует ощущаемую стабильность. Вывод справедлив в отношении как этнического ядра, так и периферии «рас-

Таблица 1

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО ОЩУЩЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ

Чувствуют себя евреями	Всего	Считаете ли вы себя религиозным человеком?		
		Да	Нет	Не знают
Несомненно	58%	69%	52%	57%
Зависит от ситуации	23%	15%	26%	25%
Совсем нет	10%	10%	12%	6%
Не думали об этом	8%	4%	9%	9%
Не ответили	1%	1%	1%	3%
Всего	100%	100%	100%	100%
	2,112	568	1,017	527

¹ Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев // *Материалы социологического исследования 1997–1998 гг.: Диаспоры / Diasporas*. 2000. № 4. С. 52–86; 2001. № 1. С. 210–244; Рывкина Р. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. М.: ИВРАН, 2005. С. 65, 69–70; Осовцов А., Яковенко И. Еврейский народ в России: кто, как и зачем к нему относится. М.: Дом еврейской книги, 2011; Носенко-Штейн Е.Э. Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду. М.: МБА, 2013.

² См., напр.: Саприцкая М. От евреев к иудеям: поворот к вере или возврат к ней? // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. № 3 (33). С. 224–254; Носенко-Штейн Е. Реформистский иудаизм в России: есть ли у него будущее? // М.: НЕОЛИТ, 2020. С. 55–59.

ширенной популяции» постсоветских евреев в диаспоре и Израиле³. В самом деле, лишь 23% респондентов нашего опроса еврейского населения России и Украины 2004–2005 гг. заявили, что считают себя религиозными людьми, почти половина (46,5%) ответила на вопрос о религиозности отрицательно, и еще чуть более

³ Ханин В. (З.). Религиозная идентичность выходцев из бывшего СССР в Израиле // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. № 3 (33). С. 255–290.

30% затруднились с ответом. Но 15 лет спустя ситуация почти не изменилась: 27% объявили себя религиозными людьми, 48% — светскими, четверть затруднилась с ответом.

Соответственно, лишь примерно четверть участников опроса 15-летней давности считала, что быть евреем означает «соблюдать религиозные заповеди и ходить в синагогу», поставив это на десятую позицию в альтернативной шкале ценностных приоритетов. В нашем опросе 2019 г. этот параметр переместился с 10-го на 7-е место, однако абсолютная доля тех, кто отметил соблюдение еврейских религиозных заповедей среди главных критериев принадлежности к еврейству, была существенно ниже, чем полтора десятилетия назад (соответственно 16 и 27%). Этот факт вполне согласуется с отсутствием каких-либо заметных возрастных различий в среде респондентов. Это должно было бы просматриваться, если бы (нео)традиционные или заимствованные религиозные модели, которые, как принято считать, усваиваются разными поколениями постсоветских евреев и членов их семей, стали частью мейнстрима их этнического самосознания. То есть гипотеза, которая казалась справедливой 10–15 лет назад или, возможно, реально описывала ситуацию (возрождение дремавших еврейских традиций среди части старшего поколения и итог «миссионерской деятельности» зарубежных еврейских религиозных организаций среди молодежи и лиц среднего возраста)¹, в нашем исследовании не нашла однозначного подтверждения.

Религия: вера или культура

Впрочем, как и в прошлом исследовании, нас интересовал не столько уровень религиозности организованной еврейской общины и ее непосредственной периферии, сколько уровень

идентификации с иудаизмом или иной религией как индикатор динамики религиозного компонента «символической этничности», т.е. сохранения, трансформации или утраты национальной идентичности. Потому наш вопрос оба раза был сформулирован несколько иначе: какую религию, вне зависимости от уровня религиозности, респонденты считают своей?

Намного более масштабное исследование 2019–2020 гг. дало нам возможность также рассмотреть эти тенденции в региональном разрезе. Так, в зонах доминирования культурного влияния России (в самой России, Белоруссии и Казахстане) доля тех, кто назвал своей религией иудаизм (от трети до 40%) была ниже, чем в среднем по выборке, в то время как на Украине она была в полтора, а в Молдавии — более чем в 2 раза выше. Больше всего христиан оказалось в России и Казахстане, а последовательных атеистов — в России и Белоруссии. В то время как евреи Украины и Молдавии и члены их семей чаще, чем в других местах, выражали свое восприятие ценностной системы окружающей социальной среды с помощью ответа «иудаизм и христианство в равной мере».

О том, что речь идет о различиях культурно-ценностных мотивов, а не просто о размежевании между «русскими христианами» и «евреями-иудеями», свидетельствует отсутствие заметной корреляции между этническим происхождением и уровнем религиозности. Но, когда речь шла не столько о вере или религиозности, сколько о диктуемой происхождением, воспитанием, средой общения и личным и семейным опытом идентификации с той или иной системой религиозно-культурных ценностей, фактор этнического происхождения просматривался вполне четко.

Общим знаменателем этих двух моментов можно считать различия между носителями вы-

Таблица 2

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Считаете ли вы себя религиозным человеком?	Возраст				
	Всего	16–25	26–40	41–60	61+
Да	27%	21%	28%	28%	28%
Нет	48%	52%	48%	47%	49%
Сложно сказать	25%	27%	24%	26%	23%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%
	2 112	346	485	645	585

¹ Ханин В. (З.), Писаревская Д., Элштейн А. Еврейская молодежь в постсоветских странах // Рамат-Ган и Москва: Институт востоковедения РАН и Центр Еврейского образования в диаспоре им. Дж. Лукштейна Университета Бар-Илан, 2013. С. 64–65.

деленных нами в предыдущем исследовании и получивших подтверждение в этом модели этнокультурной идентичности: «универса-

Таблица 3

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ С РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ В СООТВЕТСТВИИ С ЭТНИЧЕСКИМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ ОПРОШЕННЫХ

	N евреев среди бабушек и дедушек респондентов				
	Всего	3–4	2	1	None
Считаете ли вы себя религиозным человеком?					
Да	27%	28%	27%	23%	30%
Нет	48%	49%	46%	54%	41%
Сложно сказать	25%	23%	28%	23%	28%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%
Какую религию вы считаете своей?					
Иудаизм	43%	66%	43%	25%	27%
Христианство	16%	3%	11%	24%	35%
Обе в равной мере	14%	10%	18%	16%	15%
Другую	1%	1%	1%	1%	1%
Никакую	22%	17%	23%	31%	16%
Не ответили	3%	3%	3%	2%	5%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%
	2 112	717	509	536	350

лист» — носители «общееврейской» идентичности; носители новой *этногражданской еврейской идентичности*, определяющие себя как «русские (или украинские, белорусские и т.д.) евреи», и носители *двойственной идентичности*, определяющие себя одновременно и как русские (украинцы, белорусы и т.д.), и как евреи (феномен, воспринимавшийся в качестве оксюморона в советские времена, но утвердившийся в постмодернистской атмосфере постсоветских обществ), а также *неевреи* — нееврейские супруги и ассимилировавшиеся потомки евреев в том или ином поколении, являющиеся носителями какой-либо нееврейской идентичности, в ряде случаев осознающие свою принадлежность если не к еврейскому этносу, то к организованной еврейской общине. Причем, помимо носителей собственно русской, украинской или любой другой нееврейской идентичности, внутри нееврейской категории за 15 лет укрепилась подгруппа «граждане мира», представители которой в опросах настаивают на отсутствии у них принадлежности к какому-либо этносу¹.

При отличии в конкретных процентах выбравших тот или иной вариант ответа участники обоих опросов демонстрировали сходные

¹ Подробнее см.: Khanin V. (Z.), Chernin V. Jewish Identity in the Post-Soviet Courtiers: Parameters, Models, Prospects and Challenges (Herzeliya: Inst. For Euro-Asian Jewish Studies and the Center for the Diaspora Research, Tel-Aviv University, 2020), forthcoming.

взаимозависимости типов этнической идентичности и религиозно-ценностного выбора. В обоих случаях более 80% *евреев-универсалистов* и более половины *этногражданских* евреев посчитали своей религией иудаизм, и далее, в следующих трех группах, доля сторонников такого выбора уменьшалась пропорционально снижению веса еврейской идентификации их членов (соответственно четверть, 15 и 3% опрошенных). Доля тех, кто считал своей религией христианство или одновременно иудаизм и христианство, в первой из двух подгрупп носителей устойчивой еврейской идентичности была весьма невелика (в сумме, соответственно, порядка 8 и 6%), а во второй, *этногражданской*, подгруппе — около трети в 2004–2005 гг. и около четверти в 2019 г. За 15 лет несколько выросла доля *христиан*, но почти вдвое сократилась в этой подгруппе доля сторонников смешанной религиозно-культурной идентичности. Похоже, что среди интегрированных в местное общество *этногражданских* евреев проблема выбора между еврейской и православной цивилизациями чем дальше, тем больше имеет не содержательный, а символический смысл.

Но именно эта тенденция — доля определения в качестве *своей* и еврейской, и христианской религий (и их культур) среди тех, кто назвал себя «и евреем, и представителем другой национальности», — в 2019 г., как и ранее, закономерно оказалась больше, чем в других культурно-иден-

тификационных категориях. Например, в полтора раза больше, чем среди *этногражданских* евреев и *граждан мира* и, соответственно, в 4–6 раз больше, чем среди респондентов из категорий, занимающих крайние сегменты этнокультурной идентификационной шкалы, — *универсалистских* евреев и *этнических* неевреев. Именно в этой культурно-идентификационной категории носителей двойственной, еврейско-нееврейской этнической идентичности доминируют представители второго и особенно третьего поколений смешанных браков, из которых, соответственно, на треть и более чем на 40% состояла молодежная часть нашей выборки. (И таковой же, судя по всему, она является в популяции, отвечающей критериям ЗОВ в целом.)

Наконец, «нееврей», как видно из табл. 4, однозначно продемонстрировали отсутствие у этой группы, часть из которой участвует в той или иной деятельности еврейских общин, дилеммы непростого выбора между национальной и культурной лояльностями. Для них поставленная тема оказалась исключительно вопросом веры, разделив в 2004–2005 гг. респондентов поровну на последователей христианства и атеизма; 15 лет спустя эта же ситуация была характерна для *космополитов*, а в категории

этнических неевреев данное соотношение было уже 62 на 26%. В остальных категориях в обоих опросах доли *христиан* и *атеистов* были обратно пропорциональны уровням стабильности еврейского самосознания.

Неплохим итогом всему сказанному может быть сравнение уровней религиозности и культурно-религиозной принадлежности респондентов. Две трети религиозных людей назвали своей религией иудаизм, четверть — христианство (1% — «другую религию»). Среди затруднившихся определить отношение к религии, иудеи и христиане составляли в 1,5 (44%) и в 2 (12%) раза меньшую долю. Однако там же наблюдалось относительное большинство (24% по сравнению с 10% среди религиозных и 12% среди нерелигиозных) тех, кто назвал обе религии в качестве своей. А среди нерелигиозных почти треть считала своей религией иудаизм, 14% — христианство, но наибольшей в этой категории была доля *последовательных атеистов* (38%). На наш взгляд, можно заключить, что для религиозных респондентов выбор *своей* религии тождествен выбору религиозного верования, для нерелигиозных — выбору культурно-ценностной модели, а для затрудняющихся ответить это некоторая смесь двух таких пониманий.

Таблица 4

СРАВНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ И КУЛЬТУРНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

Какую религию считают «своей»	Всего	Этническая идентичность				
		Устойчивая		Смешанная	Нееврейская	
		Просто евреи	Русские/иные евреи	Евреи и русские/иные одновременно	Только русские/иной этнос	Космополиты
Исследование в России и на Украине, 2004–2005 гг.						
Иудаизм	59,7%	84,5	55,7	32,8	0,0	
Христианство	4,3%	1,9	3,2	6,9	50,0	
Обе в равной мере	21,2%	6,8	28,5%	29,3	0,0	
Другую	0,3%	1,0	0	0	–	
Никакую	14,5%	5,8	12,7	31,0	50,0	
Всего	100	100	100	100	100	
Исследование в России, на Украине, в Белоруссии и Молдавии, 2019 г.						
Иудаизм	43%	84%	51%	26%	3%	14%
Христианство	16%	2%	9%	16%	62%	30%
Обе в равной мере	14%	4%	15%	25%	6%	18%
Другую	1%		1%	3%	2%	1%
Никакую	22%	8%	20%	26%	26%	33%
Не ответили	3%	3%	3%	3%	2%	4%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%
	2 112	452	692	389	116	416

Таблица 5

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЙ ВЫБОР

Какую религию считают своей	Считают себя религиозными			
	Всего (100%)	Да (27%)	Не знают (25%)	Нет (48%)
Иудаизм	43%	64%	44%	32%
Христианство	16%	23%	12%	14%
Обе в равной мере	14%	10%	24%	12%
Никакую	22%	1%	13%	38%
Другую	1%	1%		3%
Всего	100%	100%	100%	100%

Религиозная и общинная функция синагоги и праздников

В чем же конкретно проявляется религиозно-культурная идентичность? Принято считать, что стандартным критерием такого проявления выступает соблюдение религиозных заповедей и участие в отправлении религиозно-культурных церемоний, в том числе частота посещения синагоги и связанных с ней событий. Доля наших респондентов, которые заявили, что посещают синагогу на более или менее регулярной основе (т.е. постоянно или по Шаббатам) была невелика — 15%. (Отметим, что это был один из немногих вопросов, при ответах на которые фиксировалась ощутимая гендерная разница: доля мужчин среди постоянных посетителей синагог заметно выше, чем у женщин, — 11 и 7% соответственно).

В любом случае, в целом доля активных посетителей религиозных учреждений, как можно заметить, в 4 раза ниже доли заявивших о «несомненной» еврейской идентификации, что еще раз подтверждает, что ядром постсоветской еврейской идентичности остаются не религиоз-

но-поведенческие, а иные социокультурные параметры. Еще примерно столько же посещают еврейские религиозные учреждения с целью молитвы или участия в иных религиозных церемониях по еврейским праздникам, более четверти — «время от времени» (несколько раз в год, без привязки к конкретным событиям), и более 40% не посещали их вообще либо (ошибочно) утверждали, что в их городе нет синагоги.

Не вызвало удивления, что доля опрошенных, назвавших себя религиозными, посещают синагогу постоянно или по Шаббатам в 2,5 раза и вдвое чаще, чем в среднем по выборке. А доля тех, кто не посещает религиозные собрания вообще (21%), сопоставима с долей религиозных, которые назвали своей религией не иудаизм, а христианство (23%). Интереснее другое: доля религиозных респондентов, которые с той или иной частотой участвуют в молитвах и церемониях в учреждениях иудейского культа (75%), оказалась статистически значимо выше, чем тех, кто назвал своей религией иудаизм (64%). Это, судя по всему, означает, что синагогу своим вниманием не обходят и те респонденты, которые

Таблица 6

СООТНОШЕНИЕ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ И ПОСЕЩЕНИЯ ИМИ СИНАГОГАЛЬНЫХ МОЛИТВЕННЫХ СОБРАНИЙ

Как часто посещаете синагогу?	Всего	Считаете ли Вы себя религиозным человеком?		
		Да	Нет	Сложно сказать
Регулярно	9%	22%	3%	7%
По Шаббатам	6%	11%	3%	5%
По праздникам	16%	27%	10%	17%
Время от времени	27%	15%	29%	36%
Не посещает	36%	21%	47%	30%
В нашем городе нет синагоги	5%	2%	7%	3%
Нет ответа	1%	2%	1%	2%
Всего	100%	100%	100%	100%
	2 112	568	1 017	527

заявили о двойственной, иудейской и христианской, религиозно-культурной идентичности.

Не менее интересно, что среди посетителей синагог оказались 65% из тех, кто затруднился ответить на вопрос, являются ли они религиозными людьми (причем 12% из них посещали синагогу сравнительно постоянно, 17% — по праздникам). И, наконец, время от времени в религиозных мероприятиях в синагогах принимала участие почти треть уверенно-нерелигиозных респондентов.

Похоже, что вывод, который мы сделали 15 лет назад, остается релевантным и сегодня: публичное отправление религиозных традиций, включая посещение синагоги, является скорее фактором общинной социализации, чем критерием религиозности. Причем, в определенном смысле, семейного формата: показательно, например, что доля лиц, не имеющих еврейских корней, т.е. в массе своей супругов евреев, регулярно посещающих синагогальные службы (17%), оказалась хотя и объяснимо ниже, чем среди респондентов полностью еврейского происхождения (21%), но при этом в 1,5 раза выше, чем среди «половинок» (10%), и более чем в 2,5 раза выше, чем среди «евреев на четверть» (7%). И ни в одной из возрастных когорт доля в той или иной мере посещающих такие мероприятия не была ниже половины (а у лиц до 40 лет — порядка 60%).

Нечто подобное, судя по собранным нами данным, можно сказать и о месте, которое в общественном сознании и поведении евреев и членов семей постсоветского пространства занимают иудейские праздники, памятные дни и обычаи еврейской религиозно-культурной

жизни. Согласно ответам респондентов, 70% из них всегда или часто отмечают еврейские праздники, столько же покупают на Песах мацу (один из немногих элементов традиции, сохранявшийся в значительном количестве еврейских семей и в советские времена). Всегда или иногда участвуют в церемонии зажигания свечей в Хануку 54%, в пасхальном Седере — 52%.

В то же время всегда или иногда строят или посещают ритуальный шалаш (сукку) в Суккот 37%; зажигают субботние свечи 42%; полностью или частично соблюдают субботу 38%, пост в Йом-Кипур (Судный день) соблюдают 35%; кашрут (пищевую диету в соответствии с требованиями еврейской религиозной традиции) — 29% респондентов. Иными словами, публичные церемонии почти везде отправляются респондентами намного активнее, чем те еврейские традиции, которые связаны с личным пространством. В данном случае мы также можем говорить о транснациональном феномене и, следовательно, об устойчивости данного аспекта еврейской культуры в идентичности русско-еврейского субэтнуса¹.

В заключение отметим, что сегодня на постсоветском пространстве имеются как минимум три конкурирующие, но и частично взаимодействующие модели отношения к религии в еврейской среде.

Первая представляет *классический* (неотрадиционалистский) взгляд на еврейство прежде всего как на этно- или общинно-конфессиональное сообщество. Иудаизм как религия становится стержнем еврейской идентичности, религиозные институты — основой общины, членами которой, соответственно, не могут

Таблица 7

ПОСЕЩЕНИЕ СИНАГОГАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В СООТВЕТСТВИИ С ПОЛОМ И ВОЗРАСТОМ ОПРОШЕННЫХ

Как часто посещаете синагогу?	Пол			Возраст, лет			
	Всего	Мужчины	Женщины	16–25	26–40	41–60	61+
Регулярно	9%	11%	7%	7%	8%	8%	10%
По Шаббатам	6%	6%	5%	5%	6%	5%	6%
По праздникам	16%	15%	17%	15%	19%	13%	19%
Время от времени	27%	26%	28%	32%	26%	25%	28%
Не посещаю	36%	37%	36%	40%	36%	44%	27%
В нашем городе нет синагоги	5%	4%	6%	1%	4%	5%	7%
Нет ответа	1%	1%	1%		0%	1%	3%
<i>N</i> = ...	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
	2 112	847	1 185	346	485	645	585

¹ Ханин В. (З.). Религиозная идентичность выходцев из бывшего СССР в Израиле // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 255–290.

быть атеисты и тем более последователи иных религий. Вторая модель исходит из сформировавшегося в советские времена секулярного представления о еврействе как *национальной* (этностатусной) группе. Еврейская религия при этом, как отмечалось, играет роль позитивного, но деактуализированного в повседневной жизни этнического символа, что порождает неприятие сторонников иных религий, хотя и не исключает их априори из еврейского коллектива в широком понимании этого слова.

Третья, *постмодернистская* модель, напротив, рассматривает мультикультурализм, смешанную этничность и диверсифицированную религиозность как приемлемый и в каком-то смысле желательный элемент еврейского (в том числе общинного) бытия. Все эти модели и запущенные ими тенденции могут способствовать как процессам этнической консолидации, так и ассимиляции постсоветского еврейства.

Список литературы

1. Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Иудаизм в национальном самосознании российских евреев // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7).
2. Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев // Материалы социологического исследования 1997–1998 гг.; Диаспоры / Diasporas. 2000. № 4. № 1.
3. Носенко Е. «Быть или чувствовать?» Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. М.: Институт востоковедения РАН — «Крафт+», 2004.
4. Носенко Е. Иудаизм, православие или «светская религия»? Выбор российских евреев // Диаспоры. 2009. № 2.
5. Носенко-Штейн Е. Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду. М.: МБА, 2013.
6. Носенко-Штейн Е. Реформистский иудаизм в России: есть ли у него будущее? // М.: НЕОЛИТ, 2020.
7. Осовцов А., Яковенко И. Еврейский народ в России: кто, как и зачем к нему относится. М.: Дом еврейской книги, 2011.
8. Рывкина Р. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. М.: ИВ-РАН, 2005.
9. Саприцкая М. От евреев к иудеям: поворот к вере или возврат к ней? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33).
10. Чернин В. Границы еврейского национального коллектива: восточноевропейский и евроазиатский контекст // Евреи Европы и Азии: состояние, наследие и перспективы. Ежегодник. Т. 1 (2018–2019/5779) / ред. В. Чернин и В. (З.) Ханнин / Герцелия. ИЕАЕИ и Институт иудаики Еврейского университета в Иерусалиме, 2019.
11. Членов М. Соотношение конфессиональной и этнической идентификации в еврейском самосознании. В кн.: Проблемы существования в диаспоре. М.: 2000.
12. Ханнин В. (З.). Религиозная идентичность выходцев из бывшего СССР в Израиле // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33).
13. Ханнин В. (З.), Писаревская Д., Эпштейн А. Еврейская молодежь в постсоветских странах // Рамат-Ган и Москва: Институт востоковедения РАН и Центр Еврейского образования в диаспоре им. Дж. Лукштейна Университета Бар-Илан, 2013.
14. Khanin V. A Rabbinical Revolution? Religion, Power and Politics in the Contemporary Ukrainian Jewish Movement, in: Jewish Political Studies Review. Vol. 10. No. 1–2. Spring 1998.
15. Khanin V. (Z.). Between Eurasia and Europe: Jewish Community and Identities in Contemporary Russia and Ukraine, in: Julius H. Schoeps and Olaf Glukner (eds.). A Road to Nowhere? Jewish Experiences in the Unifying Europe (Laden: Brill, 2011).
16. Khanin V. (Z.), Chernin V. Identity, Assimilation and Revival: Ethnic Social Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union (Ramat-Gan: the Rappaport Center for Assimilation Studies and Strengthening of Jewish Vitality, 2007).
17. Khanin V. (Z.), Chernin V. Jewish Identity in the Post-Soviet Courtiers: Parameters, Models, Prospects and Challenges (Herzeliya: Inst. For Euro-Asian Jewish Studies and the Center for the Diaspora Research, Tel-Aviv University, 2020), forthcoming.
18. Kornblatt J.D. Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church (Madison: University of Wisconsin Press, 2004).